

ПУТЬ ПОЗНАНИЯ

ХУДОЖНИКИ ВРЕМЯ

НЕДАВНО по телевидению снова показывали фильм Юлия Райзмана «Коммунист». И я — в который уже раз! — опять не мог без волнения наблюдать происходящее на экране единоборство идей, сражение отважного, решительного героя за свои идеалы. Не часто все-таки встречаешься с таким явлением... На сцене, на экране нам еще нередко не хватает борьбы страстей, сильных чувств, ярких личностей. Между тем большое гуманистическое искусство по природе своей — революционный борец, защищающий правду, красоту, справедливость. Именно поэтому лучшие произведения советских художников находят отклик у миллионов людей нашей планеты.

Мне приходилось бывать на просмотрах советских фильмов в Париже и Чикаго, в Токио и Нью-Йорке. Я мысленно возвращаюсь в зал крупнейшего в Чикаго кинотеатра «Эсквейр», где мне довелось присутствовать на кинофестивале, вижу устремленные на экран взволнованные, пытливые глаза молодежи. Всюду зрителей одинаково волнуют гуманистические устремления художника, раздумья об ответственности человека, о месте его среди людей. Ибо человек, где бы он ни был, где бы ни жил, не может оставаться равнодушным к добру, красоте... Всегда будет волновать его познание мира и самого себя.

Труден путь познания человека, но именно постижением этого сложнейшего, тончайшего из «инструментов» природы занимается искусство. В руках художника — та волшебная палочка, от прикосновения которой в человеке пробуждаются те или иные чувства. Поэтому так велика ответственность писателя, режиссера, артиста. Поэтому так важна его позиция.

Напрасны разглагольствования иных западных деятелей о «чистом» искусстве. Тем более, если приглядеться повнимательнее к практике этих «теоретиков», пропагандируемое ими так называемое чистое искусство отнюдь не свободно от вполне определенных социально-политических целей.

Художественная молодежь Запада на свой лад протестует против буржуазного мира и его лицемерной морали. Отвергая общепринятые каноны, молодые выносят свое протестующее искусство в маленькие кафе, подвалы, на чердаки бедных кварталов Нью-Йорка. Так родился, в частности, театр «Оф, оф Бродвей». Однако, подвергая острой критике свое общество, эти художники, как правило, не имеют собственного идеала, своей политической и эстетической программы. Царящие на сцене и экране отчаяние и отчуждение, скептицизм и «черный» юмор, с одной стороны, являют собой протест против буржуазного мира, а с другой — объективно отражают деградацию культуры этого мира. Многие из таких произведений балансируют на грани искусства и антиискусства.

Секс-спектакли, порнофильмы, появившиеся первоначально как анархический протест против фарисейской и лживой буржуазной морали, попали в руки изворотливых дельцов, и перед ними раскрылась сверкающая огнями сцена Бродвея, широчайшие экраны кинотеатров. Коммерсанты от искусства весьма гибко приспосаблились к «духу времени»,

к «запросам» публики. Так называемое «левое» искусство чаще всего представляет собою банальную и циничную спекуляцию идеалами, стремлениями, чаяниями молодежи.

Несколько лет назад, будучи в США, я захотел увидеть нашумевший, сенсационный мюзикл «Волосы» и удивился, что интерес к нему основательно остыл. Почти никто на спектакль не рвался, зрители, с которыми мне довелось беседовать, издевались над ним. Что же предстало передо мной на сцене? Великолепная музыка, отлично владеющие своим ремеслом актеры. Однако протест молодежи против насилия, против войны, таившийся в этом произведении, торговцы от искусства запрятали под пышные и пошлые одежды зрелища, где главным оказались все те же мотивы секса. Сытому, пресыщенному буржуа любопытно было взглянуть сквозь раскрытые «двери» сцены на то, что он прежде видел только в замочную скважину. Естественно, что он остался глух к антиимпериалистским мыслям этого произведения. Зритель же попронизательнее быстро раскусил эту спекуляцию идеалами и потерял интерес к «Волосам».

Тем не менее карусель бизнеса продолжает крутиться. И опять — новое зрелище, сопровождаемое зазывной рекламой: «Иисус Христос — суперзвезда». Опять — великолепная музыка, мастерское исполнение, ловкая постановка, а на деле — невеселого сорта зрелище, основанное на реакционном лозунге «хиппи» о том, что мир может преобразить только любовь.

Бум секса уже приносит убытки, он исчерпал себя. Залы кинотеатров пустуют. Кинематографисты Дании создали разоблачающую киноленту-репортаж «Почему?» о пресловутой копенгагенской «лармке секса». Здесь подаются разукрашенные лицемерными фразами о свободе личности, о психологических комплексах, о митеже чувств интервью с людьми, для которых секс стал бизнесом, профессией, наркотиком. Авторы фильма не скрывают своей горькой иронии.

Теперь на Бродвее идут — опять-таки в сопровождении крикливой рекламы — так называемые «триллеры», заставляющие зрителей вздрагивать от ужаса, от изображаемых во всех подробностях жестокостей. Защитники подобных фильмов говорят: мы переживаем такое время, когда в мире происходит значительно больше зверств, чем способна придумать фантазия художников. В этом страшная правда буржуазного мира. Но во имя чего, спрашивается, жестокость показывается? В том случае, когда это заостряет, нацеливает внимание на актуальные проблемы сегодняшнего дня — тогда еще можно понять. Для того, чтобы врачевать рану, надо ее вскрыть. Хотя, конечно, в любом случае встает вопрос о границах меры и вкуса, потому что далеко не каждая «язва», выставленная во всей «красе», может стать предметом искусства.

Сегодня все больше людей, озабоченных судьбами мира

человеческого, думают о том, как уничтожить на земле насилие и принуждение, и прежде всего грабительские войны. Мы с удовлетворением отмечаем активизацию творчества прогрессивных демократических деятелей искусства, и в частности кино Запада, которые своими произведениями утверждают идеи гуманизма, дружбы народов, борются за социальный прогресс.

И здесь я снова возвращаюсь к «Коммунисту», к разговору об ответственности, которая лежит на нас, советских художниках, перед нашим народом и перед зрителем всей планеты. Всегда ли нам удается постичь коренные проблемы эпохи, нащупать главенствующие черты современного человека? Невольно взор обращается к классике. Верю, что и наши внуки и правнуки будут находить в ней ответы на волнующие вопросы, ибо создавшие бессмертные произведения художники мыслят огромными категориями, утверждают высшие гуманистические идеалы человечества.

Вспоминаю «Поднятую целину», «На дворе, за дверьми», «Смерть коммивояжера» на сцене Паневежского театра, фильмы «Гойя», «Король Лир», «Мертвый сезон», в которых мне довелось участвовать. Эти произведения обогатили меня прежде всего как актера, как человека, как гражданина.

А сколько еще бродит по сцене, по экрану бледных, малокровных персонажей, которые как будто погрязли в задумчивости, на самом деле же скучны и никому не интересны. Вот и терзаешься —

как добиться того, чтобы персонаж вылез из схемы, «ожил», стал человеком. Тут же, на съемочной площадке, приходится «довыдумывать» роль, даже текст.

Меня волнует некоторое измелъчание наших сценариев и театральной драматургии. Стремясь к правдоподобию, не слишком ли увязаем мы в бытовизме, будничности? Всегда ли на наших сценах и экранах ошутимо дыхание великой эпохи социалистического переустройства мира? Конечно, я далек от мысли обвинять во всех бедах писателей, но, как известно, наш брат актер очень от них зависим. Мечты часто остаются мечтами. Если роль не находит отклика в душе актера, он исполняет ее чисто профессионально. Хорошо овладевшему своим ремеслом человеку это вовсе не трудно. Однако актер должен на сцену или экран приносить свои мысли, идеалы, высказывать свою гражданскую позицию — с кем он, кого он любит и кого ненавидит. А это уже не всегда зависит от твоей профессиональной вооруженности, для этого нужна литература.

Произведение искусства становится общественным явлением только в том случае, если художник стремится выразить в нем свои тревоги, надежды, сомнения и радости, но только те «свои», что совпадают с ощущением людей, живущих в одно время с тобой.

Донатас БАНИОНИС.

Народный артист
Литовской ССР.